

УДК 398+391/395+2

МУНАДЖАТЫ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА У ТАТАР

З.М. Брусско, старший научный сотрудник

Мунаджат – находящийся на стыке фольклора и литературы лирический жанр, который тесно связан с мусульманской культурой. Он был весьма распространён в средневековой ирано- и тюркоязычной восточной литературе, пронизанной исламской идеологией, а также в находившихся под сильным их влиянием татарской письменной поэзии и народной лирике. Мунаджат («монәҗәт») в переводе с арабского звучит как «мольба к аллаху», «словословие», «религиозный гимн, псалом» [1: 370]. Среди многочисленных по своей тематике мунаджатов особое место занимают мунаджаты, исполняемые во время ночных бдений, прощаний – проводов покойника. Они как часть похоронного обряда татарского

народа являются одним из важнейших источников реконструкции языческих представлений о смерти и загробном существовании.

По обычаю татар, покойника никогда не оставляют одного, особенно ночью, рядом с ним всегда находится кто-нибудь из родственников или соседей, чаще всего это женщины. Помещение, где он лежит, принято оставлять освещённым. Ночные сидения около покойника называются «саклау», т.е. «охрана». Во время этих сидений женщины в напевных мелодиях исполняют мунаджаты. В них от имени покойного оплакивается прошедшая жизнь, выражается тоска и печаль в связи с вечной разлукой с близкими, родными местами, домом:

Әжәл ширбәтен мин бер эчәрмен,
Якты дөнъядан мин бер китәрмен.
Якты дөнъяда торып туймадым,
Йөрөп туйсам да мин,
мәңге тормамын.
Авыр булса да дөнъя көтүе,
Авыр хәл икән ташлап китүе [1].

Шербет смерти испью когда-нибудь,
Белый свет покину когда-нибудь.
Свет белый не опостылел мне,
Если даже опостылеет,
вечно жить не буду я.
Тяжело на свете жизнь прожить,
А еще тяжелей покидать белый свет.

Смерть в религиозных песнопениях рисуется как нечто закономерное, безысходное, которую каждый должен принять как есть. В то же самое время

смерть – могущественная и страшная сила, не щадящая никого. Ей покоряются и бедные, и богатые, и молодые, и старые, и здоровые, и больные:

Үлем дигән ачы агуны
Берәү дә татымый калмый,
Үлем угын атар туры,
Берәү дә котыла алмый.
Берәүгә дә тиндәш кылмас,
Бу карт, бу яшь диеп тормас.

Смерть под названием горький яд
Все отведают без исключения,
Смерть стрелу нацелит прямо,
Никто не уклонится, не спасется.
Смерть со всеми поквитается,
Не посмотрит, стар ты, иль молод.

Көтеп тормас чакырганны,
Алып китәр үлем хәле.
Патшалардан идерә баш,
Батырлардан койдыра яшь.
Алып калмый арыш-талаш,
Алып китә үлем хәле [5: 30-31].

Такой же грозной силой предстает смерть и в русской фольклорной традиции, где она воспринимается как враг. Наступление смерти описывается в плачах как ее вторжение в дом, незванный приход злого гостя [2: 73], она называется «злодейкой», «душегубицей», которая не делает уступок, не

Буш үткәrmә гомеренне,
Якын дип бел үлеменне.
Кичәләрдә зикер әйтәп,
Тынычландыр күнеленне [6: 406].

Или:

Барасы жир – ерак юлдыр,
Ризыгыңны әзерли тор.
Карангы гүр куркыныч, тар,
Укы салават, юлдаш булыр
[6: 402].

В иносказательной форме («начинай себе пищу готовить») передается мысль о необходимости читать молитвы, вести благочестивую, богоугодную жизнь. Загробный мир, который рисуется в мунаджатах как «карангы гүр» («черная земля»), «тар ләхет» («тесная

И Ходаем, морадым бир,
Ике дөнъя теләгем бер:
Атам-анам илә безне кәткән
Жәннәткә ирештер [2].

Совершенно другой изображается в мунаджатах посмертная «жизнь» тех,

Кяфер булганнар утта янырлар,
Тәмуг эчендә мәнге калырлар [6: 468].

Особенно тяжелым и мучительным становится для таких покойников момент прихода двух могильных ангелов (Мөнкир, Нәкир). Они прилетают к могиле каждого умершего сразу

Не будет ждать, когда позовешь,
Заберет с собою смерть тебя.
Цари перед ней головы преклоняют,
Богатыри перед ней слезы льют.
Не отгородят от смерти споры, ссоры,
Придет за всеми когда-то смерть.

внимает мольбам и просьбам [3: 63].

Основополагающей, доминирующей идеей мунаджатов является призыв к чтению молитв, к раскаянию в грехах. Думать о смерти, готовиться к ее приходу человек должен всегда, в определенном смысле – в течение всей своей жизни:

Не проживай напрасно жизнь свою,
Знай, что рядом ходит смерть твоя.
Украшив молитвами вечера свои,
Душе своей спокойствие найди.

Предстоит тебе дальняя дорога,
Начинай себе пищу готовить.
Темная могила страшная, узкая,
Читай салават, попутчиком будет.

могила»), «тәрәзәсе юк, ишек уймаган ялгыз өй» («одинокий дом без окон и дверей»), при условии праведной, безгрешной жизни способен превратиться в светлый и прекрасный мир, в рай, где ждут родители, предки:

О, Худай, позволь желаемого достичь,
Двух миров желание одно:
В раю, где ждут нас мать с отцом,
Дай оказаться нам.

кто грешил и не выполнял предписания Всевышнего, Аллаха:

Сгорят в огне неверные,
В адуг останутся навечно.

после похорон, чтобы испытать его в истинах веры. Если с верующими они обращаются бережно и милосердно: «ата-анасы кебек килер иманы нык бәндәләргә» («как мать с отцом ласко-

вы будут к тем, кто благочестиво жизнь прожил»), то с грешниками – весьма жестоко и сурово: «каты килер гөнаһы күп бөндәләргә» («с яростью придут к тем, кто грехов набрал за жизнь»).

Жавабыңны бирәлмәсән,
Хәлең мөшкел булыр ул көн.
Әгәр гөрзи белән орса,
Төнең парә-парә булыр ул көн
[6: 486].

Функцию нагнетания чувства страха перед смертью продолжают выполнять также строки, описывающие внешний вид ангелов. Использование изобразительно-выразительных средств, представленных в виде эпитетов, способствует созданию их реального образа. Они представляются «черноволосыми» («кара сачле»), «зеленоглазыми» («яшел күзле»), «со страшными лицами» («куркыныч йөзле»), «с устрашающими словами» («дәһшәт сүзле»), «с палицами на руках» («кулларына тотып гөрзи»). Встреча с такими непод-

Аяк астында чокыр бар,
Карап бас, әй, бата күрмә.
Бу дөньяларга алданып,
Иманыңны сата күрмә [6: 399].

В мунаджатах воспеваются терпимость (*сабырлык*), покаяние, вера в Аллаха, вознаграждаемые высшей добродетелью – раем. «Әгәр кыйлсаң үзең рәхмәт, жан алучы кыйлыр шәфкәт» («Если сотворишь благие дела, душу забирающий милостив будет»). В них ярко отражаются религиозные верования и представления народа, которые демонстрируют отношение человека к земной («фани дөнья») и вечной («бакый дөнья») жизни.

Философские размышления о Жизни и Смерти, идея душевного очищения перед событиями, ожидающими умершего человека после ухода его души в иной мир, определяют специфику, поэтику мунаджатов данного периода. В них наиболее полно и четко отражается психология мусульманина

Картина допроса изображается в мрачных, устрашающих тонах, покойник «ощущает», словно живой, и боль, и страдания, и страх:

Коль ответ держать не сможешь,
Будут плохи у тебя дела.
Если палицей ударит,
Разобьется тело вдребезги твое.

купными и беспощадными ангелами ждет после смерти грешников. Раскаяние в грехах, творение богоугодных дел станут единственным способом избежать участи быть наказанным, оказаться в райской обители.

Особое место в мунаджатах занимает тема наставлений, наказов, которые умерший адресует оставшимся в живых близким и родным. Слова эти звучат и как предостережение, предупреждение об опасности, и как совет, исходящий от умудренного опытом человека:

Под ногами пропасть есть,
Осторожно ступай, әй, не провались.
Попав на обманы жизни этой,
Веру свою не продай, не обманись.

«терпеть и преодолеть все жизненные невзгоды» [4].

Согласно распространенному поверью, исполнение мунаджатов облегчает уход души, обеспечивает «благополучный ее переход на тот свет» [2]. Благодаря сильному эмоциональному воздействию, особой манере исполнения, мунаджаты способны вызывать сильное сопереживание у слушателей. Большую роль в этом играет умение женщин-исполнительниц трогательно и возвышенно напевать религиозные куплеты, равные молитвам по своему очищающему и облагораживающему душу значению. Через эти куплеты, содержащие сведения о человеке, о его назначении в мире, о Жизни и Смерти, об Аллахе, происходит распространение знаний о миропорядке исламской

культуры, воспитании окружающих людей. В то же самое время они служат способом душевного очищения для самого исполнителя, так как являются личным обращением к Богу с самыми сокровенными мыслями и пожеланиями: переживаниями, связанными с потерей близких людей, размышлениями о смысле жизни и т.д.

Таким образом, мунаджаты, исполняемые возле покойного перед погребением, – это религиозно-духовного содержания художественно-поэтические произведения, в которых фольклоризованы исламские знания о потусторонней жизни, смерти, о человеческой вере – иман как об основном показателе человеческой духовности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арабско-татарско-русский словарь заимствований. – Казань, 1965. – 853 с.

² Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О.А. Седакова. – М.: Изд-во «Индрик», 2004. – 320 с.

³ Фольклор Новгородской области: история и современность / Составитель О.С. Бердяева. – М.: Издательский дом «Стратегия», 2005. – 352 с.

⁴ Юнусова В. Музыкальные традиции праздника Мавлид у российских мусульман // Ежегодный богословский альманах «МАВЛИД АН-НАБИЙ». 2007. – № 1. (http://www.islamicvoronezh.info/analytic/mavlid_music.htm).

⁵ Мөнәжәтләр / Төз. А.Х. Садекова. Казан: Тат. кит. нәшр., 2005. – 64 б.

⁶ Хәснүллин К.М. Мөнәжәтләр һәм бәетләр / К.М. Хәснүллин. – Казан: Раннур, 2001. – 724 б.

Аннотация

В статье рассматриваются идеолого-функциональные и поэтические особенности мунаджатов. Мунаджаты исполняются во время ночных бдений, прощаний проводов покойника. На основе анализа огромного количества текстов раскрывается основная идея мунаджатов. Эта идея состоит в призыве к раскаянию в грехах, к благочестивой, богоугодной жизни.

Ключевые слова: мунаджат, мусульманин, молитвы, загробный мир.

Summary

The ideologically-functional and poetic features of munadjats (Muslim religious songs) are considered in the article. The munadjats are executed during night vigils, farewells-wires of the deceased person at Tatars. On the basis of the analysis of a great number of texts the leading idea of munadjats is revealed. This idea consists in an appeal to repent of sins, to lead a pious, charitable life.